

Сунь Цзинь поднялся наверх с завтраком. Простояв перед дверью около минуты, он наконец набрался смелости и подал голос:

— Синлань, я принес тебе завтрак. Если не съешь сейчас, он остынет.

Ответа не последовало. У Сунь Цзиня были заняты обе руки, поэтому постучать он не мог и спросил снова:

— Ты еще спишь? Я войду и поставлю еду на стол, можно?

Снова тишина. Сунь Цзинь наклонился, локтем нажал на ручку двери и медленно толкнул её. Он думал, что Сунь Синлань еще спит, но кровать пустовала. В этот момент дверь ванной распахнулась, и вышел Сунь Синлань — лицо его было сонным и усталым. Увидев Сунь Цзиня, он тут же помрачнел, в глазах вспыхнула неприязнь, а брови сошлись на переносице:

— Кто позволил тебе входить в мою комнату?

— Я... — Сунь Цзинь слегка приподнял руку, показывая, что принес завтрак.

— Перестань притворяться, — Сунь Синлань сделал пару шагов вперед и, не слушая возражений, толкнул Сунь Цзиня в плечо. — Проваливай! Не смей заходить ко мне!

Застигнутый врасплох, Сунь Цзинь пошатнулся, и горячая каша расплескалась, обжигая тыльную сторону ладони. Он втянул воздух сквозь зубы и, преодолевая боль, стиснув зубы, поставил миску на стоящую рядом тумбочку, чтобы не уронить её на пол.

— Живо вон! — Сунь Синлань указал на коридор, его голос звучал холодно и гневно. — Чтобы я тебя больше не видел!

— Хорошо, — ответил Сунь Цзинь.

Он снова взял миску и вышел из комнаты. Дверь за его спиной захлопнулась. Сунь Цзинь спустился вниз, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он понимал Сунь Синланя точно так же, как из года в год понимал свою мать. Того, кто вместе с матерью когда-то бросил его, а спустя десять с лишним лет вернул в этот дом, не стоило встречать с распростертыми объятиями. Родственные узы были настолько тонки, что ими можно было пренебречь, и сейчас он был здесь не более чем незванным гостем.

Хотя Сунь Цзиню было тогда всего семь лет и выбора у него не оставалось, теперь, когда матери не стало, Сунь Синлань вымещал накопившуюся ярость именно на нем. Он был родным сыном Сунь Сянпина и родным братом Сунь Синланя, но теперь оказался в положении приживалы, вынужденного глотать обиды. Оставалось лишь признать, что такова судьба, и он — единственный, кому не удалось от неё сбежать.

Сунь Синлань вскоре ушел и не возвращался до самой ночи. Во время ужина Сунь Сянпин

прислал за Сунь Цзинем водителя, чтобы тот приехал пообедать. Сунь Цзинь сидел напротив отца и какой-то незнакомой женщины, молча поглощая еду.

— Синлань сказал, что гуляет с друзьями, поэтому не придет, — объяснил Сунь Сянпин.

Сунь Цзинь прекрасно все понимал: Сунь Синлань просто не хотел видеть его лицо. К счастью, скоро начинались занятия. Сунь Цзинь подал заявление на проживание в общежитии — ученики выпускного класса могли бывать дома лишь раз в две недели, и это позволяло ему свести свои появления в доме семьи Сунь к минимуму.

В день начала занятий Сунь Сянпин лично привез Сунь Цзиня в школу. Они стояли в гостиной, когда вниз спустился Сунь Синлань. Он был одет в спортивную форму, а в руках держал сетку с баскетбольным мячом, исписанным автографами. Не взглянув на Сунь Цзиня, он с непроницаемым лицом направился к выходу.

— Через два дня в школу, а ты, ученик девятого класса, только и знаешь, что бегать по улицам. Учился бы у брата, — бросил Сунь Сянпин.

— Он достоин того, чтобы у него учились?

Сунь Синлань даже не обернулся, оставив после себя лишь упрямую спину и пренебрежительный ответ. Сунь Сянпин беспомощно посмотрел на Сунь Цзиня, но тот лишь поджал губы:

— Ничего страшного, он еще маленький.

Последний год обучения пролетел особенно быстро. Отсчет дней до государственного экзамена в углу доски неумолимо менялся. Сунь Цзинь с головой ушел в учебники и пробные тесты; даже на каникулах он почти не возвращался домой, зарываясь в учебу в общежитии день и ночь. Он хотел добиться как можно более высоких результатов: во-первых, чтобы Сунь Сянпин не считал его бездарностью, а во-вторых, потому что это, вероятно, был единственный путь изменить свою судьбу. Он осознавал свое положение: внешне у него был богатый отец и комфортный кров, но на деле он находился на грани того, чтобы остаться на улице.

За последние десять лет, даже живя в тесной каморке и питаясь самой простой пищей, Сунь Цзинь никогда не чувствовал себя так. Тогда они с матерью поддерживали друг друга, и это было самым важным. Теперь все изменилось: больше никто не считал его своей опорой, никто не открывал перед ним душу.

Весь год, не считая зимних каникул, Сунь Цзинь бывал дома крайне редко, а встречался с отцом и братом и того реже. Даже в канун Нового года он остался один. Сунь Синлань ушел встречать праздник с друзьями, а Сунь Сянпин перевел ему деньги в мессенджере в качестве подарка, добавив, что сегодня не вернется и Сунь Цзинь может пойти развлечься.

Сунь Цзинь сидел один в темной спальне, сжимая в руках фотографию с матерью. Глядя в окно на яркие огни далеких высоток, он дождался боя часов и в двенадцать ночи тихо прошептал:

— С Новым годом, мама.

В три часа ночи за дверью раздался тяжелый глухой звук. Сунь Цзинь открыл глаза — он услышал ругань Сунь Синланя. Он отворил дверь и увидел, что Сунь Синлань сидит на полу у самого порога, от него несло крепким алкоголем. Сунь Цзинь не стал помогать ему подняться. Сунь Синлань напивался не в первый раз; за те редкие дни, что Сунь Цзинь проводил дома, он не раз заставлял брата в стельку пьяным.

Поначалу Сунь Цзинь спешил на помощь, пытаясь поддержать его, но всякий раз Сунь Синлань с силой отталкивал его, а потом тыкал пальцем в лицо и осыпал такой грубой бранью, какую только мог придумать. Казалось, будто Сунь Цзинь для него не просто брат, а воплощение всех ненавистных людей разом, на которых можно выместить накопившуюся злобу.

Сунь Цзинь учился лишь в девятом классе и никак не мог понять: все современные подростки такие же, как Сунь Синлань?

— Вставай, — сказал Сунь Цзинь. — Твоя комната за стеной.

В доме не горел ни один свет, они не видели лиц друг друга, и Сунь Цзинь слышал лишь тяжелое, прерывистое дыхание брата.

— Отвали. Кто тебя просил лезть?

Сунь Цзинь спокойно ответил:

— Я не собирался лезть. Ты врезался в мою дверь и разбудил меня.

— Раз мешает шум, так проваливай отсюда! — голос Сунь Синланя внезапно стал громче. — Кого ты тут пытаешься раздражать своим присутствием?

Разговаривать было невозможно. Сунь Цзинь вздохнул:

— Что бы я ни сказал, всё не так.

— Верно, — Сунь Синлань, шатаясь, поднялся на ноги и придвинулся к Сунь Цзиню вплотную. — Знаешь почему?

Сунь Цзинь молча ждал продолжения.

Сунь Синлань склонил голову, приблизился к самому уху брата и прошептал:

— Потому что ты гомосексуал. И всё, что ты говоришь, вызывает у меня отвращение.

Темнота будто превратилась в нечто осязаемое и тяжелое, весом в тысячи тонн, и начала давить на Сунь Цзиня, наваливаясь глыба за глыбой. В грохоте собственного сердца он почти перестал что-либо слышать. Мир вокруг перевернулся, перед глазами поплыло, и казалось, будто винные пары, исходящие от Сунь Синланя, пропитали его до самых внутренностей.

Увидев, что Сунь Цзинь молчит, Сунь Синлань рассмеялся:

— Угадал?

— Ты перепил, — выдавил из себя Сунь Цзинь, но голос его охрип и звучал до ужаса слабо.

— У меня есть фотографии, как ты целуешься с тем парнем, так что не строй из себя невинность, — в голосе Сунь Синланя слышались еще не прошедшие нотки ломающегося подросткового баса. — Ну и что дальше? Что вы делали после того, как ушли оттуда?

Сунь Цзинь осознал свою ориентацию еще в восьмом классе. Он никогда не считал это постыдной болезнью, но и мир этот был не тем местом, где стоило кому-то открываться. Он не задумывался о любви, зная, что его ждет тяжелый путь, и лишь надеялся, что сможет выжить своими силами, ни от кого не завися. Только и всего. Тот парень учился с ним на одном потоке. Поскольку Сунь Цзинь был переводным студентом, да к тому же отличался яркой внешностью — с его бледным, утонченным лицом, — это неизбежно привлекало к нему внимание. Тот парень неоднократно пытался прощупать почву, открыто и исподтишка оказывая ему знаки внимания. В конце концов, устав от назойливого преследования, Сунь Цзинь согласился на его приглашение, намереваясь раз и навсегда объясниться с ним за пределами кампуса.

Кто же знал, что слова отказа еще не успели сорваться с его губ, как парень подался вперед и чмокнул его в щеку.

Тогда Сунь Цзинь лишь брезгливо вытер щеку и холодно бросил:

— Больше не смей докучать мне, у меня нет времени тратить его на тебя.

Для Сунь Цзиня как любовь, так и любые развлечения были пустой тратой времени — в его положении он не мог позволить себе подобную роскошь.

Он никак не ожидал, что все это увидит Сунь Синлань. Самый сокровенный секрет, о котором он боялся даже заикнуться, первым раскрыл именно Сунь Синлань.

— Ты следил за мной? — дрожащим голосом спросил Сунь Цзинь, до боли вгоняя ногти в

ладони.

— Не воображай черт знает что, блять, я просто случайно проходил мимо и сделал фото, — цокнув языком, Сунь Синлань отступил на два шага назад, словно отпрянув от чего-то грязного, и процедил: — Сунь Цзинь, до чего же ты противный.

Он никогда не называл его братом, обращаясь к Сунь Цзиню исключительно по имени и фамилии.

Сунь Цзинь понимал, что парень традиционной ориентации вряд ли сможет с легкостью понять кого-то вроде него, но он никак не ожидал, что Сунь Синлань в столь юном возрасте уже способен испытывать такую злобу к гомосексуалистам.

Впрочем, тут же подумал он, дело вовсе не в том, что Сунь Синлань испытывал отвращение к гомосексуализму как таковому — просто перед ним стояли Сунь Цзинь и гомосексуализм одновременно, и это вполне естественно усилило его и без того жгучую неприязнь.

— Да, я противный. — Сунь Цзинь сглотнул вязкую слюну, вглядываясь в смутный силуэт Сунь Синланя, тонущий во мраке. — Извини, что причинил тебе неудобства.

— Причинил неудобства? Да кем ты себя возомнил? — усмехнулся Сунь Синлань. — Разбирайся со своими грязными делами сам и прекрати позорить семью.

Не сказав больше ни слова, Сунь Цзинь отступил в комнату и захлопнул дверь.

Он вовсе не считал, что у него есть какие-то грязные дела, требующие внимания. Он просто безумно, отчаянно хотел сбежать из этого дома.

Он не ненавидел Сунь Синланя — он вдруг люто возненавидел мать. Всего через несколько часов после наступления Нового года он думал о том, почему мать не смогла продержаться еще хоть пару лет, почему она не позволила ему и дальше чувствовать себя нужным, почему именно ему выпала участь столкнуться с таким младшим братом.

Сунь Цзинь предпочел бы больше никогда в жизни не видеться с Сунь Синланем, лишь бы не оказываться с ним по разные стороны баррикад в нынешнем положении.

<http://bllate.org/book/22345/2341082>